

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы понимания языка и текста, и в частности, способности метафоры стимулировать рефлексивные процессы. Автор приводит примеры подходов к рассмотрению данной проблемы, освещая основные положения эмотивной, сравнительной и когнитивной теорий метафоры.

Ключевые слова: фразеологизм, пресса, окказиональный, преобразование.

Проблема понимания в целом представляет собой наиболее актуальный на данный момент феномен. Понимание как исключительно важный и привлекательный для исследователей аспект человеческой деятельности все еще остается малоизученным. Данный факт можно объяснить междисциплинарным характером самой проблемы. Изучение понимания в рамках таких дисциплин как лингвистика, психология, герменевтика породило множество подходов к ее решению, и, соответственно, к сравнительно большому разнообразию теоретических концепций, описывающих данный феномен.

Однако связь понимания с освоением субъектом знаний о материальном и духовном мире представляется очевидной. Еще Гегель обратил внимание на то, что «всякое понимание есть уже отождествление «я» и объекта, некое примирение тех сторон, которые остаются разлученными вне этого понимания; то, что я не понимаю, не познаю, остается чем-то чуждым мне, иным» [Гегель, 1938, 46]. В связи с этим становится очевидным и то, что процесс понимания тесно связан с функционированием языка и с коммуникативной деятельностью.

Одной из сторон общетеоретической проблемы понимания является проблема понимания языка, текста, при чем данный вопрос является одним из самых трудных в филологии. Об этом свидетельствует тот факт, что до сих пор не существует «твердого» определения понимания текста. Актуальность данной проблемы порождает напряженный исследовательский поиск, так как проблема понимания текста «представляет некоторую основу для реализации единства всех форм гуманитарного знания, унификации его методологии. В проблеме текста сходятся многие гносеологические вопросы всех гуманитарных наук» [Коршунов, Мантатов, 1974, 45].

При исследовании проблемы понимания текста невозможно обойтись без такого понятия как рефлексия, которую можно определить как связку между извлекаемым прошлым опытом и ситуацией, которая представлена в тексте как предмет для освоения [Богин, 1986, 9]. Рефлексия лежит в основе процессов понимания текста. Такая фигура речи, как метафора, легче и быстрее других фигур «пробуждает», стимулирует рефлексивные процессы и поэтому представляет собой эффективнейшее средство понимания содержательности текста [Крюкова, 1988, 5-9]. Метафора сама является опредмеченной рефлексией, ее ипостасью. Однако полномасштабных обобщающих трудов, рассматривающих метафоризацию как одну из форм воплощения рефлексии, пока не создано.

Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004, 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рас-

* © Приказчикова Е.В.

сма­три­вать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В работах американского ученого Дж. Джейнса [Jaynes, 1976] была предложена оригинальная гипотеза об исторической динамике функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 году исследователь выпустил книгу “The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind”, в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что, метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [12, 50], но большинство людей не осознает метафоричности многих слов – «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [12, 51]. По Дж. Джейнсу, понять – это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного.

До сих пор современные ученые не пришли к единой точке зрения на понимание метафоры как ментального феномена. Интерес представляет одна из последних классификаций существующих концепций метафоры. Г.С. Баранов представляет следующие группы: 1) сравнительно-фигуративная, 2) образно-эмотивная, 3) интеракционистская, 4) прагматическая, 5) когнитивная, 6) семиотическая [Баранов, 1992, 23-28]. Тем не менее, данные концепции не объясняют всей специфики метафор и критерия метафоричности, к тому же они не раскрывают механизм понимания метафорических единиц, поскольку данные концепции не рассматривают метафору одновременно с коммуникативными, познавательными, эстетическими и другими ее функциями.

В настоящее время метафоризация рассматривается как «расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» [Нелюбин, 2003, 109]. Исследуя механизмы метафоризации, лингвисты отмечают, что здесь не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов. Речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определяемых [Гак, 1988, 484].

Эмотивные теории метафоры традиционно исключают метафору из научно-описательного дискурса и отрицают какое бы то ни было когнитивное содержание метафоры, фокусируясь на ее эмоциональном характере. Такой взгляд на метафору появился в результате логико-позитивистского отношения к смыслу: существование смысла можно подтвердить только опытным путем. Следовательно, в рамках данного подхода выражение «острый нож» имеет смысл, так как эту «остроту» можно проверить. А вот выражение «острое слово» могло бы считаться бессмысленной комбинацией слов, если бы не смысловой оттенок, передаваемый исключительно эмоциональной окраской этого словосочетания.

Однако в эмоциональном обращении к адресату заинтересован не только писатель, публицист и общественный деятель, но и любой член социума. Общность цели естественно порождает и общность используемых языковых приемов. Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит в обыденную речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафору [Арутюнова, 1990, 5].

Сравнительная теория представляет взгляд на метафору более тонкий, чем теория простого замещения, так как он предполагает, что метафора сравнивает две вещи с тем, чтобы найти сходство между ними, а не только замещает один термин на другой. Таким образом, метафора становится эллиптическим сравнением, в кото-

ром опускаются элементы типа «подобно» и «как». Теория метафоры как скрытого сравнения не раз подвергалась критике, так как общность признака часто не является достаточным основанием для возникновения метафоры. Такие ученые как Н.Д. Арутюнова, Дж. Серль и др., указывают на то, что перефразирование метафоры в виде буквального сравнительного оборота не способно адекватно передать смысл метафоры. Тем не менее, идею сравнения нельзя исключить при интерпретации метафоры. Но, по мнению П.Рикера, его нужно рассматривать не как способ субституции имен, а как способ предикации признака. Метафора – это своего рода категориальная ошибка (представление объектов одной категории в терминах другой). «Действие порождающего речевого механизма в области метафоры заключается в размывании логических границ, благодаря которому обнаруживаются новые сходства, невидимые в рамках прежней классификации. То есть сила метафоры – в способности ломать существующую категоризацию» [Рикер, 1990, 442].

Сравнительный подход предполагает, что смысл любого метафорического выражения всё-таки может быть выражен буквальным эквивалентом, поскольку буквальное выражение представляет собой одну из форм эксплицитного сравнения. Так, когда мы говорим “этот человек – лев”, мы в действительности говорим “этот человек как лев”, что означает, что мы берём все характеристики данного человека и все характеристики льва, сравнивая их с тем, чтобы выявить подобные. Эти подобные характеристики становятся основанием метафоры. Таким образом, сравнительная теория опирается на некоторое предварительно существующее подобие характеристик, присущих двух подобным предметам. Эти подобные черты впоследствии эксплицируются при сравнении всех характеристик субъектов метафоры.

Первая же из проблем, которая возникает в связи с теорией замещения – это то, что смысл метафорического выражения никогда полностью не покрывается буквальным перефразированием. Дж. Сёрль замечает что даже в случаях с самыми простыми метафорами перефразирование неадекватно, что при этом что-то теряется и было бы хорошо объяснить причины неудовлетворённости, которую мы испытываем при перефразировании даже самых невыразительных метафор. Более же сложные примеры заставляют почувствовать неадекватность случаю более остро [Searle, 1993, 97]. Известный пример самого Дж. Сёрля: – «Sally is a block of ice» в частности означает, что Салли слишком неэмоциональна и нечувствительна. Но в действительности эта метафора несёт в себе гораздо больше, что Салли “тает” при определённых обстоятельствах, возможно, когда кто-то обращается с ней слишком “тепло”, или у Салли может быть “ледяной взгляд”, или она может быть твёрдой и холодной и т.д. и т.п.

Дж. Сёрль также указывает на то, что отличает свойство метафоры и свойство буквального сравнения. По его мнению, метафорическое утверждение может быть истинно, даже если соответствующее буквальное выражения о сходстве ложны. Например, если анализировать метафору “Richard is a gorilla” в рамках сравнительного подхода, то становится ясным, что Ричард и гориллы подобны в плане своей свирепости, отвратительности, агрессивности и т.п. Однако, если дальнейшее изучение покажет, что гориллы в действительности робкие, ранимые, миролюбивые существа (как это и есть на самом деле), тогда такое утверждение о подобии будет ложным. Вместе с тем метафора всё же останется истинной, потому что, как указывает Дж. Сёрль, она дает информацию о Ричарде, а не о гориллах. Буквальное же сравнение относится как к Ричарду, так и к гориллам, и поэтому будет истинным только в том случае, если все субъекты действительно обладают указанными свойствами. Метафора, таким образом, не может быть эквивалентна по смыслу буквальному сравнению в силу того, что в них заложены разные параметры истины. Сравнительный подход также не объясняет

асимметрию метафор.

Подобие – это симметричное понятие. Если А подобно Б, то и Б подобно А. Однако, большинство метафор не демонстрирует такую симметрию. Например, метафора “хирурги – мясники” (surgeons are butchers) никак не конвертируется в “мясники – хирурги”. Дж. Сёрль также критикует постулат о том, что всегда существуют два объекта для сравнения. Так, метафора «Sally is a block of ice» не означает, что действительно существует определённая ледяная глыба, с которой сравнивается Салли. Практически Салли можно сравнить с чем-то не существующим вовсе, например, с драконом. Дж. Сёрль подчёркивает, что метафора “Sally is a dragon” не подразумевает существование дракона, но при этом обязательно подразумевается сравнительный подход в целом. Дж. Сёрль заключает: – «С самого начала теория сравнения запуталась относительно референциального характера метафорических выражений» [Searle, 1993, 101]. Однако, несмотря на то, что драконы не существуют, существует множество представлений, связанных с ними. Вероятно, согласно теории сравнения, сравниваются эти вымышленные черты, то есть, даже если нет двух объектов, существуют два представления с массой их характеристик.

Однако используемое для объяснения метафоры буквальное сходство не позволяет ответить на вопрос, как это сходство определяется. Очевидно, что любые два объекта могут быть подобны по-разному, и этих вариантов подобия огромное множество. Дж. Сёрль задаётся вопросом, каким образом из всего этого множества, метафора, как и буквальное сравнение, выбирает только определенные отношения. Дж. Сёрль считает, «подобие само по себе ничего не значит: любые два предмета так или иначе подобны. Сказать, что метафорическое выражение ««S есть P» подразумевает буквально «S есть как P»», значит не сказать ничего и сделать шаг назад» [Searle, 1993, 106]. Он подчёркивает, что понимание букварных подобий является лишь частью проблемы понимания метафоры, иллюстрируя данное утверждение высказыванием «Джувьетта – солнце». Основываясь на хорошо известных свойствах Солнца (газообразности, расстояния от Земли), он наглядно представляет абсурдность восприятия данной метафоры как букварного подобия. Например, высказывание «Джувьетта – солнце» вполне может означать «Джувьетта большей частью газообразна» или «Джувьетта находится на расстоянии 90 млн. миль от Земли» [Searle, 1993, 106].

Таким образом, сравнительная теория метафоры, проводя прямую аналогию между пониманием метафоры и пониманием сравнения, должна, прежде всего, раскрыть сущность подобия и найти ответ на вопрос: что означает для свойств быть подобными?

Для более полного понимания места метафоры в понятийной системе текста необходимо также упомянуть и о противоположном подходе, который можно охарактеризовать как аномальный. Наиболее ярко данное направление выражено в работах М. Бирдсли и Д. Дэвидсона. Так, в концепции метафоры М. Бирдсли аналогия заменена логическим абсурдом. При интерпретации метафоры отказ от поиска основного значения слова происходит именно из-за логического абсурда и именно из-за этого переводчику приходится искать в спектре коннотаций ту, которая позволила бы осмысленно связать метафорический предикат с его субъектом. Роль метафоры, по мнению М. Бирдсли, заключается в том, что она помогает преодолеть смысловое противоречие или прямую несовместимость семантических характеристик столкнувшихся слов. При метафоризации происходит сдвиг центрального значения слова в пользу маргинального [Бирдсли, 1990, 207-208]. Д. Дэвидсон в своих работах отстаивает тезис о том, что метафора не наделена каким-либо другим значением, помимо букварного значения метафорически употребленного слова. Он считает, что метафору отли-

чает не значение, а употребление, и в этом метафора сходна с речевыми действиями. Метафора говорит только то, что лежит на ее поверхности – обычно явную неправду или абсурдную истину [Дэвидсон, 1990, 185-187].

Алогичность метафоры, ее несоответствие реальным процессам действительности и природе рационального мышления предопределяет отношение к ней как к элементу поэтической структуры, стихийно возникающему и угасающему по непонятным и непостижимым для человека причинам. Полноценному изучению метафорических конструкций препятствует тот факт, что они не укладываются в привычные структурно-семантические рамки, «сама ее сущность не отвечает коммуникативному назначению основных элементов предложения – его субъекта и предиката» [Арутюнова, 1990, 9]. Для идентифицирующей функции, которую выполняет субъект, метафора произвольна, она не может с полной определенностью указывать на предмет речи, для предиката она слишком туманна, семантически диффузна. Поэтому «естественное место метафора находит именно в поэтической речи, в которой она служит эстетической, а не собственно коммуникативной (информационной) функции. Ее цель – вызвать представление, а не сообщать информацию» [Арутюнова, 1990, 5-32].

Концепции метафоры как взаимодействия образующих ее элементов и процессов стали переходными от восприятия метафоры как чисто языкового явления к рассмотрению ее в качестве универсального когнитивного механизма. Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis) [Lakoff, 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора *argument is war* (спор – это война) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем, можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается

в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф, 2004, 26-27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff, 1993, 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья. //Теория метафоры. Сборник статей. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
2. Баранов Г.С. Научная метафора. Модельно-семиотический подход. Кемерово, Кузбассвузиздат, 1992. С. 23-28.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, КГУ,1986. С. 9.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1988. С. 484.
5. Гегель. Лекции по эстетике. Собр.соч.: В 14-ти т. М., АН СССР, 1937. Т. 12. С. 46.
6. Дэвидсон Д. Что означают метафоры? // Теория метафоры. Сборник статей. М., Прогресс, 1990. С. 172-193.
7. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Гуманитарное знание и понимание // Философские науки. 1986. № 5. С. 36-45.
8. Крюкова Н.Ф. Метафора как средство понимания содержательности текста: Автореф. Дисс....канд. филол. наук. М., 1988. С. 5-9.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004. С. 25.
10. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, Наука, 2003. 318 с.
11. Рикер П. Живая метафора. //Теория метафоры. Сборник статей. М., Прогресс, 1990. С. 442.
12. Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976. P. 50-51.
13. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 210.
14. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1).
15. Searle, J. Metaphor // Metaphor and thought. Cambridge, 1993. P. 83-111.

E. Prikazchikova

METAPHOR AS MEANS OF TEXT UNDERSTANDING

Abstract: The article covers the questions of language, text understanding and interpreting and in particular the ability of metaphor to stimulate reflective processes. The author gives examples of the way this problem is considered through emotive, comparative and cognitive theories of metaphor.

Key words: phraseologism, press, occasional, transformation.